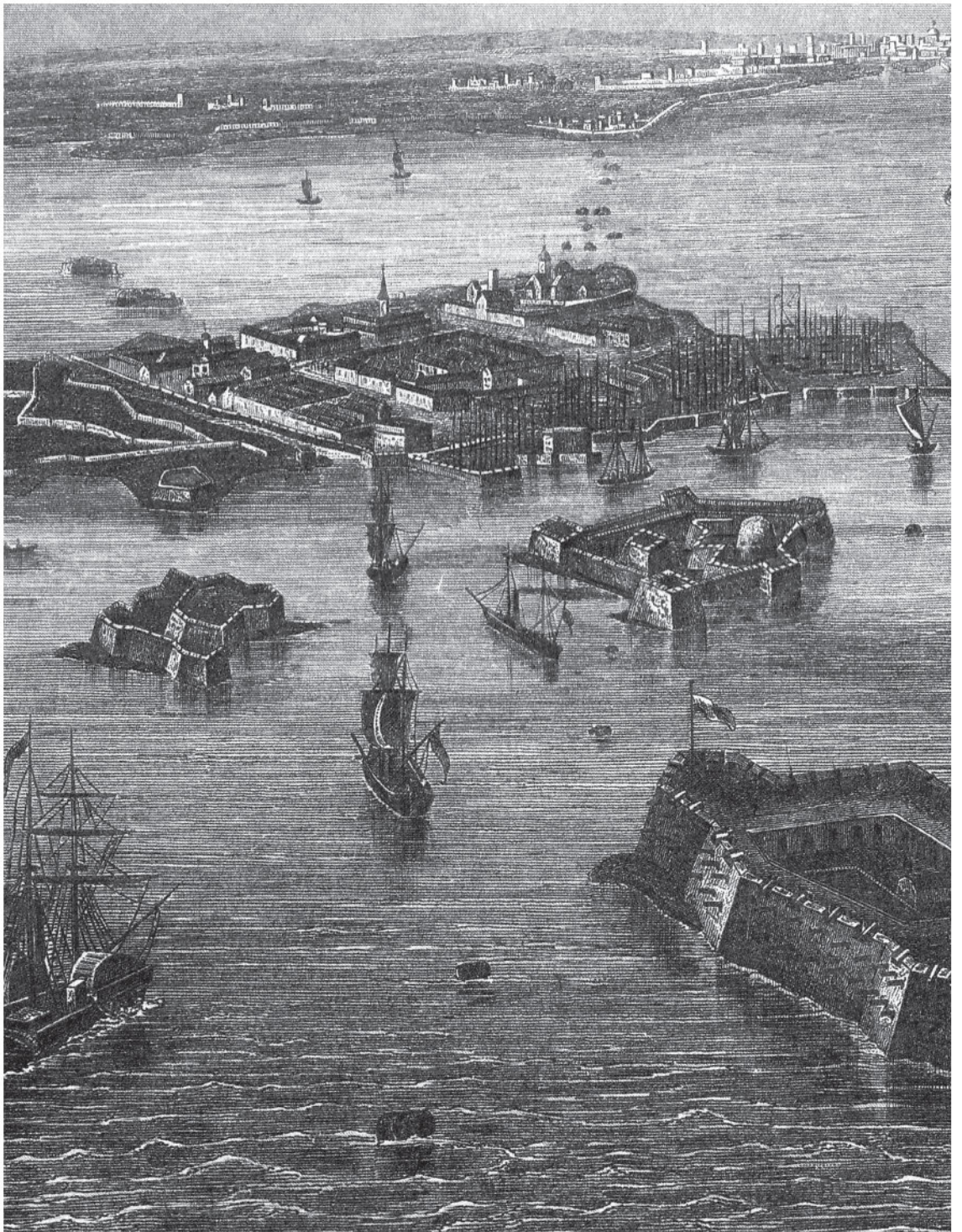

СЕРГЕЙ
НОСОВ
КНИГА
О
ПЕТЕР-
БУРГЕ

СЕРГЕЙ НОСОВ

КНИГА
О ПЕТЕР-
БУРГЕ

УДК 97(47)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)
Н 84

В книге использованы фотографии автора
и материалы фотобанка Getty Images:

© Getty Images.com/traveler1116
© Getty Images.com/duncan1890
© Getty Images.com/ZU_09
© Getty Images.com/Bellanatella
© Getty Images.com/ideabug
© Getty Images.com/ilbusca
© Getty Images.com/marvod
© Getty Images.com/NataliaBarashkova
© Getty Images.com/Nastasic
© Getty Images.com/zoom-zoom
© Getty Images.com/Vitaly Miromanov
© Getty Images.com/Hngyldzdktr
© Getty Images.com/Powerofforever
© Getty Images.com/Grafissimo

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Носов С.

Н 84 Книга о Петербурге / Сергей Носов. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 560 с. + вкл. (32 с.).

ISBN 978-5-389-18134-2

«Книга о Петербурге»... Опасно так называть свое сочинение после романов Достоевского, «Петербурга» Андрея Белого, художественно-вдохновенных прогулок по постреволюционному Петрограду Николая Анциферова... Имен, названий и прочего сколько угодно много, это же Петербург, город вымышленный, сочиненный гением и волей Петра и воплощенный в жизнь на костях безымянных его строителей. Книга Носова уникальна тем, что главный ее герой – сам город, наша северная столица, с ее белыми ночами, корабликом на шпигеле Адмиралтейства, реками и каналами, с ее мифами, ее тайнами и легендами. С этой книгой можно ходить по городу, по странному его местам, о которых вы не прочтете ни в одном из прежних путеводителей. Из книги Носова вы узнаете множество городских историй, которые, мы уверены, будут подлинным открытием для читателя.

Книга проиллюстрирована фотографиями из личного архива автора, и это ей дополнительно придает яркий и неповторимый эффект.

УДК 97(47)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

© С. А. Носов, текст, фотографии, 2020
© Оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство КоЛибри®

ISBN 978-5-389-18134-2

- *Удивительное место. Я там родился и вырос.
Хочу рассказать о нем.*
- *Как называется?*
- *Петербург.*
- *Вы серьезно? О Петербурге уже все есть.*
- *Да ладно! Моего нет.*

С чего-то начать

С предыстории?

Крайний срок предыстории Петербурга — 13 750 000 000 лет. Столько времени тому назад в результате Большого взрыва образовалась наша Вселенная, вследствие чего мы имеем то, что имеем, и Петербург тоже.

С иных мировоззренческих позиций, от Сотворения мира до основания Петербурга прошло 7211 лет. Немного. Есть соблазн примирить эти несоразмерные сроки, представив, например, шкалу «от Сотворения мира» в логарифмическом масштабе (чем глубже в прошлое, тем дольше длится библейский год, тем больше в нем наших простых, календарных лет), но не дадим увлечь себя спекулятивными теориями. Отметим только, что Петербург был основан Петром на четвертом году после отмены старого летоисчисления. Имеется в виду именной указ от 19 декабря 7208 года «О писании впредь Генваря с 1 числа 1700 года во всех бумагах лета от Рождества Христова, а не от Сотворения мира».

Далее.

Не задерживаясь на событиях межгалактического масштаба, отметим дату, имеющую прямое отношение к нашей теме: 4 500 000 000 лет назад в общих чертах сформировалась Солнечная система, включающая в себя наравне с другими объектами небесные тела, осколки которых падают на Землю с момента образования планеты, — а посему о коллекции метеоритов, затеянной при Екатерине II, поговорим в свое время.

1 700 000 000 лет назад (возможно, позже — лет так на восемьдесят миллионов) в результате сложного процесса гранитообразования, связанного, насколько это доступно нашему пониманию, с проникновением магмы в верхние слои континентальной коры, получился массив, именуемый Выборгским, — один из крупнейших гранитных массивов материка. Именно его граниты, известные под названием «рапакиви» (на финском это «гнилой» — возможно, намек на болота), использовались при строительстве Петербурга.

450 миллионов лет — возраст осадочных пород, сформировавших «путиловский камень», который, к примеру, лежит у нас под ногами, когда мы поднимаемся по старым петербургским лестницам.

Нижняя юра, 280 миллионов лет до нас. Моллюски этой далекой эпохи дали нам известковые отложения других достоинств, — непосредственные срезы окаменелостей будем различать на облицовочных плитах, украшающих некоторые городские сооружения. Но это так, для полноты картины...

110 000 лет тому назад начался последний ледниковый период. Огромный кусок скалы, выломанный, по-видимому, в Скандинавии, был превращен в гигантский подкругленный валун по мере его продвижения с колоссальным массивом льда к шестидесятой широте и тридцатой долготе современной системы географических координат. Никаких камней, даже близких ему по размерам, в окрестностях нет (во всяком случае, на поверхности земли). Знаменитый Гром-камень, сильно обтесанный, послужит постаментом для конной статуи Петра — Медный всадник станет символом Петербурга.

Около 12 тысяч лет назад ледник отступил, оставив за собой Балтийскую котловину, стремительно заполняемую талой водой. В ре-

зультате геологических процессов вновь образующиеся озера и моря сменяли друг друга, пока около 4000 лет назад не сформировалось Балтийское море в берегах, которые нам сегодня известны. Примерно тогда же (или позже «немного») образовалась река Нева, без которой немислима история Петербурга.

В V тысячелетии до н. э. на территории нынешнего города — в устье реки Охты, аккурат на месте, где первоначально хотели построить небоскреб для штаб-квартиры Газпрома, — уже поселялись люди. Памятники эпохи неолита известны в ближайших окрестностях Петербурга. Примечательно, что башню Газпрома, высочайший небоскреб в Европе, в конечном итоге воздвигли в Лахте, сравнительно близко от другой стоянки древних людей.

30–60-е годы н. э. — деяния апостола Петра в разных, впрочем далеких от Балтийского моря, краях. Будущий основатель Санкт-Петербурга назовет его небесным покровителем города.

Другой покровитель города — Александр Невский. В 1240-м там, где Ижора впадает в Неву, князь Александр Ярославович одержит победу над шведами.

(Кстати, об ижоре как автохтонном населении... Если бегло, то так: территория будущего СПб в те времена принадлежала обширной земле, на которую распространялась власть Новгорода.)

1300. Новая попытка шведов закрепиться на Неве: строительство на Охтинском мысу форта Ландскрона — в границах современного Санкт-Петербурга. Атакован и уничтожен новгородцами весной 1301-го. Как показали раскопки, крепость была древо-земляной: в этих краях ощущался дефицит камня. (И похоже, дефицит времени.)

1323. Князь Юрий Данилович у истока Невы строит крепость Орешек. В тот же год заключен Ореховецкий мирный договор, по которому Новгород уступает земли Швеции вплоть до границы по реке Сестре.

10 ноября 1457 года (с учетом перевода на юлианский календарь) исполнилось бы 500 лет со дня рождения автора этой книги, если бы время шло в обратную сторону. Отнюдь не мания величия заставляет меня включить в хронику мнимую дату, но необходимость заблаговременно предупредить читателя, с чем он непременно столкнется,

продолжив чтение, — с резко субъективным, сугубо авторским взглядом на вещи. Эта книга могла бы называться «Петербург в ощущениях», если бы не переизбыток шипящих в заглавии. Ощущения и восприятия, таким образом, относятся к одному конкретному лицу, проживающему в этом городе со дня рождения и имеющему некоторый опыт проживания: вот оно себя и обнаружило в тексте, — тут уже ничего не попишешь. Настоящим также подтверждаю пристрастность, хотя и до определенной степени, к сослагательному наклонению, удивительным совпадениям, мнимым событиям, важным для понимания вещей в той же мере, в какой нельзя представить без мнимой единицы многих математических преобразований, — стало быть, подтверждаю пристрастность к идее невозможности, немыслимости этого странного города, — притом хочу сразу признаться: я не являюсь приверженцем альтернативных теорий, убежден, что Земля не плоская и Петра I не подменили. Сей абзац есть первое авторское отступление (выступление). Прошу прощения, и — дальше, дальше: не будем тормозить историю.

1500 года («лета семь тысяч осмаго» — 7008-го — от Сотворения мира) дошла до нас новгородская Писцовая книга Водской пятины. Среди прочих описаны в ней погосты Ореховского уезда, в частности тех земель, на которых появится Петербург.

1617. Столбовский мир, по которому Русское царство уступало Швеции в числе прочих земель — все Приневье, включая место будущего Петербурга. На левом берегу Охты при впадении в Неву возводится Ниеншанц (первые укрепления относят к 1611 году), на правом берегу Охты образуется портовый город Ниен.

30 мая 1672 года родился Петр I.

А 19 августа 1700 года Петр объявил войну Швеции.

Через пять дней выступил в плохо подготовленный, крайне неудачный поход на Нарву. Теоретически овладение Нарвой могло бы освободить Петра от необходимости строить город в устье Невы.

А уж если бы он и Ригу взял с ее незамерзающим портом, тогда, кто знает, может быть, столицей России Рига была бы. Есть и такое мнение, но проверить его, разумеется, невозможно. Обстоятельства, однако, под осажденной Нарвой не благоприятствуют русской армии, и самое тяжелое из них — появление Карла XII.

19 ноября Карл XII легко побеждает под Нарвой.

За два последующих года Петр реформирует армию. Переплавляет колокола на пушки. Создает в 1701-м Лужскую верфь, а в 1702-м еще две верфи — одну в устье Сяси, другую — на Свири. Короче, действует.

12 октября 1702 года штурмом берет Нотебург. Петр не возвращает крепости историческое название Орешек. Теперь она — Шлиссельбург. Ключ-крепость. В самом названии открыто выражается намерение царя, — есть «ключ», значит будет «замок», значит, придется ключом воспользоваться. Вероятно, уже тогда Петр придумал название Шлотбург («замок-крепость») — для Ниеншанца, который он еще не видел воочию и который еще предстояло взять.

1 мая 1703 года взят Ниеншанц.

Не наше дело

Среднестатистический образованный ленинградец мало интересовался допетровской историей земли, на которой расположен его город.

Свидетельствую с полной ответственностью.

В общественном сознании это выглядело примерно так: шла война со шведами, пришел Петр к устью Невы, огляделся, а дальше по Пушкину: «здесь будет город заложен назло надменному соседу».

Именно что соседу. А не прежнему квартирьеру-съемщику, продолжающему претендовать (если будем развивать коммунальную метафору) на квадратные метры. Он здесь не прописан!

И чем интересоваться тогда — болотами, что ли?

Название Ниеншанц в обзорных статьях, посвященных возникновению Петербурга, если упоминалось, то вскользь. Ну, где-то была шведская крепость какая-то, Петр взял ее по ходу дела, — в общем, основанию Петербурга она не мешала. И не влияла ни на что. Могло и не быть.

С крепостью Орешек связывались более определенные представления. Орешек — Шлиссельбург. У шведов — Нотебург. А когда град Петров носил имя Ленина, Петром нареченный Шлиссельбург обрел имя Петра — Петрокрепость.

Итого: Орешек — Нотебург (а для нас все равно: Орешек!) — Шлиссельбург — Петрокрепость — опять Шлиссельбург.

Тут есть что помнить — все перед глазами. В 1702-м отвоевали у шведов. Наше, родное. Вот тогда была баталия. Первая крупная победа в Северной войне с непосредственным участием Петра (самостоятельные победы генерал-фельдмаршала Шереметева остаются за кадром).

Петербург растет и растет, а до Шлиссельбурга не дотянуться; в стороне от Петербурга лежит Шлиссельбург, никуда не делся — на месте. Можно съездить к истоку Невы, прийти на пристань, на кораблике сплавать в крепость на острове. Вот там, посмотрите, на востоке Ладожское озеро. А где-то там, у стены, повесили Александра Ульянова. А где-то там закопали несчастного Иоанна Антоновича, нашу «Железную Маску». А вот заросшие кустами развалины времен Великой Отечественной... Все здесь. Стены дышат историей, потому что они есть.

А где Ниеншанц? Ниеншанца и след простыл. Нет Ниеншанца.

История — вещь интересная, но интересна также история восприятия истории.

На этот счет — контрольное воспоминание.

В середине девяностых группа петербургских драматургов затеяла серию сборников пьес, кто-то предложил экзотическое название проекту — «Ландскрона». А что это? Да вроде бы такую шведы крепость на берегах Невы построили, за несколько столетий до Петербурга. Сейчас уже не вспомнить, с какой стати петербургские пьесы должны были выходить под маркой Ландскроны, — наверное, просто красиво, да и название «местное», свое, «принципиально не москов-

ское», что-то в этом и от «всемирной отзывчивости русской души» было, и вместе с тем от патриотизма, хотя и парадоксального, а главное, звучало загадочно — словно авторы сборника знали что-то, другим неизвестное. На самом деле авторы сборников ничего толком не знали об исторической Ландскроне вообще и вообще первый раз о ней слышали (кроме предложившего; он второй). И читатели не знали. Об этом и свидетельствую с удивлением. Только из-за сборников этих и помню, что означало имя Ландскрона тогда для большинства петербуржцев. А ничего. Сейчас-то Ландскрона у нас на слуху, а когда сборник вышел, все спрашивали: что это? Интернет появлялся только, никаких Википедий под рукой не было. Книгу, допустим, А. Ю. Гишпенга, изданную почти сто лет назад, или работы нашего старшего современника И. П. Шаскольского теоретически можно было заказать в Публичной библиотеке, но практически туда надо было еще пойти. В общем, звучало свежо и загадочно. И с претензией. Была у нас, оказывается, Ландскрона. На какое-то время Ландскрона в определенных, очень узких кругах стала своеобразным мифом: будто это и есть подлинное, хотя и тайное название города, запутавшегося в именах.

Сейчас нам, и стару и младу, известно: Ландскрона просуществовала менее года, была построена к осени 1300-го и в 1301-м, по весне, разрушена новгородцами.

«Алиса, что такое Ландскрона?»

(Кстати, только что узнал: Ландскрона — сайт болельщиков «Зенита», и это первое, что в данный исторический момент предлагает нам поисковая система «Яндекс».)

На месте Ландскроны спустя три века возник Ниеншанц.

О Ниеншанце представления в недавние времена были еще хуже. И мало кто слышал название города Ниен.

Если б их засекретили, да нет же. Просто сведения эти не входили в так называемый багаж знаний образованного человека. Просвещенному ленинградцу допускалось не знать ничего о Ниеншанце и даже не подозревать о былом существовании города Ниен у истока Охты, в то время как незнание двенадцати подвигов Геракла или, к примеру, фамилий пяти казненных декабристов могло восприниматься как признак невежества.

О да, казненные декабристы! Мне, наверное, было лет десять-одиннадцать, когда я смотрел какую-то молодежную телепередачу для старших («Горизонт»?), и вот там одна авторитетная дама, от имени, что ли, жюри какого-то конкурса, так и сказала: стыдно культурному человеку не помнить фамилий казненных декабристов — их всего пятеро. А я тогда назвать мог двоих, так что ощутил себя культурным человеком на две пятых. Запомнилось.

Никто, однако, не требовал знания чего-либо о Ниеншанце, Ниене и прежде случившейся Ландскроне.

Даже специалисты в своих трудах по истории Северной войны называли город по-разному: Нюен, Ниен, Ниенштадт...

В общем, это была не наша история.

Париж времен Ришелье был, скорее, нашей историей, — или Лондон с его Бейкер-стрит... А если говорить о Швеции, труднейшем сопернике СССР на хоккейном поле, покатые крыши Стокгольма для нас такими же были с детства родными, как и для их обитателя с пропеллером на спине. Нам, признаемся, даже несколько льстила, взрослым уже, беспримерность нашей любви к персонажу Линдгрена, — ведь нигде больше в мире, включая Швецию, как однажды нам рассказали, этот странный недоумок Карлсон не вызывает таких симпатий.

Но при чем тут какой-то Ниеншанц под боком? Откуда Ниеншанц, когда уже есть Петербург? Что-то неинтересное. Не наше дело.

Наше, наше!

Интерес, который уже было бы справедливо назвать общественным, стал возникать к Ниеншанцу на рубеже тысячелетий. По мере приближения 300-летия Петербурга все больше внимания привлекала фигура основателя города, а среди его деяний, имевших отношение к юбилею, было взятие шведской крепости. В июне 2000-го рядом с Большеохтинским мостом на правом берегу Невы перед заводским корпусом установили памятный знак «Крепость Ниеншанц»;

автор идеи — археолог П. Е. Сорокин, руководивший раскопками на Охтинском мысу с начала 1990-х.

«Памятный знак» — официальное обозначение объекта, — на самом деле он тянет на мемориал, и главный элемент всей композиции — шесть старинных шведских пушек, найденных на территории бывшей крепости. Открытие памятника широко освещалось в печати.

Многих тогда изумило: шведская крепость, о которой ходили какие-то невнятные слухи, оказывается, была здесь — на месте корпусов Петрозавода, еще тогда не снесенных.

А много ли мы знали о самом Петрозаводе этом? Основанное Петром предприятие за 280 лет своего существования, с учетом всяких перепрофилирований, меняло название раз двадцать — от Охтенской верфи (через «е») до собственно Петрозавода, причем Петрозаводом в разные годы именовалось как минимум трижды. Под этим названием и закончило печальным банкротством свою долгую историю в первый год нового тысячелетия. Ладно, фрегат «Паллада», прославленный Гончаровым, и подводные лодки, построенные еще до Первой мировой, — это все наши исторические древности, но в советские времена заходили сюда на ремонт подлодки посовременнее, пускай и дизельные, — в годы моей молодости завод этот, как теперь знаю, был из тех, что именовался у нас «почтовым ящиком», — о таких распространяться было не принято. Тут и возникает у меня мысль — «в порядке бреда», потому что мысль не обдуманная, а по ходу создания текста: не потому ли к Ниеншанцу не привлекали у нас внимания, что на месте его действовало секретное предприятие? Что-то в этом, кажется, есть. Или нет? Кстати, в раннебрежневские времена (и, кстати, романовские), пока еще не был построен Малоохтинский мост и не подведена к нему набережная со сквозным движением, предприятие, занимая неблагоустроенный берег Невы, выглядело обособленным не хуже той крепости.

Ну так вот, как раз в одном из корпусов, на складе металлолома (отнюдь не в глубинах земли), археологи из группы Сорокина раскопали те старинные пушки. Вернее, стволы.

Тут уж и совсем смутный слухок забрезжил, будто бы — то ли у дверей профкома, то ли где-то в другом месте — в советские времена, когда завод еще номерным был (№ 370), случилось урной для курильщиков послужить врытому в землю пушечному стволу. Что ж, всяко бывало в нашей богатой истории — было время, например, когда стволы трофейных турецких пушек врывали у подворотен вместо колесоотбойных тумб, защищавших углы и стены (это ж надо было тащить их с Балкан для этого!..). Но чтобы урна... все же верится плохо: как же вытряхивать такую? Никак нельзя.

С другой стороны, это мог быть один из тех стволов, что в прежние времена держали здесь ограду, заключающую достопримечательное дерево. Дело в том, что еще до революции, когда праздновали 200-летие Петербурга, заключили в ограду старый дуб, росший на территории завода Крейтона, как тогда предприятие называлось, и будто бы этот дуб сам Петр посадил в память павших за Ниеншанц, а вместо столбиков послужили ограде врытые в землю пушечные стволы. Должно быть, эти.

А нашли их незадолго до того юбилея, в те дореволюционные годы, на дне Охты. Но как они в воду попали (и когда) — загадка.

Также не совсем понятно, могли ли стрелять из этих стволов по войску Петра.

Дело в том, что экспертные оценки возраста пушек противоречивы. Похоже, один или два ствола в той переделке могли поучаствовать. Но тогда обращение их в сторону Невы особенно выразительно, — ведь именно туда и палили со стен крепости, когда 28 апреля 1703 года, еще до штурма, Петр вместе с преображенцами и семеновцами проплывал на лодках к устью Невы под стенами Ниеншанца, впрочем трудно сказать, насколько рискуя, — тогда обошлось без жертв.

И все же по-настоящему Ниеншанц оказался прославлен — даже среди тех, кто вообще равнодушен к истории, — как ни странно, субъектом, менее всего смотрящим в прошлое и более всего — в будущее, да, конечно, Газпромом, нашим газовым гигантом, — причем, похоже, вопреки желанию его собственного руководства.

Дело в том, что в 2006 году эта территория, еще недавно представлявшая собою промзону, перешла в собственность компании. Расчистка промзоны от остатков заводских корпусов была лишь первым этапом грандиозного проекта, — далее Газпром намеревался возвести здесь для своего головного офиса башню высотой 396 метров (а то и 403). Петербуржцам эта идея сразу не понравилась (не всем, но большинству — точно), башню немедленно окрестили «кукурузой», и для газового монополиста еще обиднее — «газоскрёбом», — начались выступления против ее строительства, пошла волна публикаций. По закону Газпром должен был провести раскопки на месте будущего строительства (на тот момент Охтинский мыс был признан археологическим памятником). Вряд ли руководство компании, финансируя это исследовательское предприятие, опасалось результатов, невыгодных для своих строительных планов; в конце концов, допускалась возможность музея при многоэтажном офисе, тем и предполагали ограничиться. Но все серьезнее оказалось. Археологи постарались на славу.

То, что сохранилось под фундаментами заводских корпусов, сам Сорокин назвал «петербургской Тройей».

Во-первых, оказалось, что Ниеншанц не исчез бесследно. Во-вторых, были обнаружены следы поселения, известного как Невское Устье. В-третьих, еще ниже — та самая шведская Ландскрона. В-четвертых, под ней остатки вала и рва древнего городища, историкам неизвестного. В-пятых и в-шестых — а это уже совсем неожиданность, — две стоянки древних людей. Нижний пласт, отделенный от верхнего метровым слоем песка, доказывает, по мнению Сорокина, обитание здесь человека еще до возникновения Невы (Нева — река молодая, об этом поговорим особо).

Начали с петровских времен, а докопались до неолита.

Не всех убеждали итоги раскопок, но, так или иначе, проекту Охта-центра они популярности не прибавили.

Башню, еще выше — 462 метра, построили в конечном итоге не здесь — в Лахте, на берегу Финского залива. К этому выбору общественность больших претензий не имела. А что до прежнего места, как раз в связи с Охтинским мысом общественное наше сознание — уже

не в масштабах города, а всей страны (и даже мира — под эгидой ЮНЕСКО) — имело случай соприкоснуться с предметом предыстории Петербурга.

Тема Ниеншанца вошла в моду.

От него теперь не уйти

Итак, Ниеншанц/Ниен (в русских обозначениях петровского времени — Шанц или Канц) — очень короткая справка:

— Первые укрепления — левый берег Охты, 1711. Посад — правобережный. Городской статус — 1732. Торговые привилегии. Контроль пути по Неве. В 1656-м крепость взята штурмом войском П. И. Потемкина, однако по итогам войны (Русско-шведской 1656–1658 гг.) осталась за шведами. Численность населения — 1500–2000 человек. Ратуша, две кирхи, порт. Национальный состав: шведы (большинство), немцы, финны (переселенные из Средней Швеции), русские, преимущественно лютеране (православный храм на левом берегу Невы в селе Спасское). Численность гарнизона крепости весной 1703-го — около 600. Последний комендант — Аполов (русское происхождение, шведская служба): личная отвага, сильные головные боли, преклонный возраст.

Раньше значение Ниеншанца у нас игнорировали, сейчас, похоже, ударяемся в другую крайность.

На эффектных картинах современного художника Ниеншанц выглядит неприступной крепостью с высокими каменными стенами, превышающими, пожалуй, по размерам стены ну как минимум Новгородского кремля, с величественными башнями, воротами, мостом, непременно каменным, основательным, крепким. Между тем, согласно раскопкам, крепость эта была земляной, о чем не устает напоминать взыскующий истины археолог Сорокин.

Примерно о том же, но по другим соображениям, напоминал, вернее, докладывал правительству Швеции авторитетнейший инженер-фортификатор Эрик Дальберг в своем отчете об инспекционной поездке по оборонительным сооружениям на востоке; было это

в 1681 году, — общий смысл реляции, если кратко, таков: все (почти все) устарело.

(Посвященная этому документу обзорная статья двух знатоков средневековой фортификации А. Н. Кирпичникова и Е. А. Кальюнди была напечатана в 20-м выпуске «Скандинавского сборника» — Галлин, 1975.)

Дальберг нашел крепости в «плачевном состоянии». Особенно удручило инспектора положение дел на Охте. Крепость, толщина брустверов которой не выдерживала критики, нуждалась в решительном переоборудовании. Правобережные укрепления (на окраинах города) могли только послужить на пользу противнику, сумеет он завладеть ими (чему никаких препятствий Дальберг не видел). О реальных размерах Ниена, относительно скромных, можно косвенно судить по рекомендации Дальберга перенести город на другой берег реки — на Охтинский мыс, под защиту более надежных укреплений.

Дальберг лучше многих понимал стратегическое положение Ниеншанца; с годами предчувствие катастрофы у него только усилилось — в 1698 году он аттестовал оборону Ниена как «никчемную».

Ниен так и стоял на своем месте, пока его не сожгли сами шведы. Случилось это после падения Нотебурга во второй половине октября 1702-го. Эвакуированные ниенцы пополнили население Выборга, иные перешли в крепость. Но ее осаду Петр перенес на весну.

(А вот и сенсация — исключительно в тему. Сегодня, 02.08.2019, — по новостным каналам: на Среднеохтинском проспекте при ремонте трамвайных путей обнаружены фундаменты построек Ниена. Работают археологи. Что дальше? Одно можно сказать: возобновление трамвайного движения переносится на более поздний срок.)

Одна деревенька

В институте нас часто отправляли «на картошку» — это когда я учился и когда потом работал на кафедре. Чаще всего в Волховский район. Выезжал туда же в стройотряд два раза. В поселке Колчаново

до сих пор стоит кирпичный гараж, который мы строили для механизаторов. А с поселком Хвалово, где мы убирали корнеплоды на полях совхоза «Победа Октября» (веселое было время), у меня вообще связано много воспоминаний.

Но ближе к теме.

А тема этих страниц — предыстория Петербурга.

А к предыстории Петербурга, да и вообще к истории, прямое отношение имеет Столбовский мир 1617 года, по которому Россия потеряла выход к морю.

Так вот, жили мы в бараке рядом с закрытой на лето школой, на другом берегу реки возвышались развалины церкви над кладбищем, внизу была паромная переправа, а вдоль реки по кромке леса тянулась тропинка.

Отчего ж не пройти, если тропинка? Был день выходной, вышел я на нее за поселковой баней и пошел по ней, от нечего делать, по рыбацкой тропинке — куда приведет. Думал, дойду до того места, где к реке приближается шоссе, там и поймаю обратно попутку. Но Сясь, как оказалось, довольно сильно виляет, не в пример прямой дороге на Тихвин, так что идти мне пришлось дольше и дальше, чем думал.

Мне сейчас трудно вспомнить мои ощущения, но надобно сказать, что в местах этих, которые не решусь назвать сказочными, что-то на восприятие реальности определенно влияло — и на восприятие времени особенно. То ли замедлялось оно, то ли что. Справа тихая река, едва ли не до середины заросшая кувшинками, слева смешанный лес, иногда тропинка в него отклоняется, иногда приходится идти через высоченные заросли папоротника. Вроде бы лес как лес, река как река, и все же есть ощущение необычности, так, быть может, бывает, когда в необитаемом пространстве чувствуешь на себе будто бы взгляд. Будто бы произойти что-то должно необыкновенное. Оно и произошло.

Представьте себе урочище: на деревьях иконы висят и домотканые полотенца. Прямо в лесу, рядом с рекой. Под ногами бревнышки — здесь место сырое, болотце рядом. Родник. Да, святой источник, должно быть. Но такого я нигде не встречал, чтобы в лесу иконы на

деревьях и полотенца. Это, между прочим, конец семидесятых. 60 лет Октябрю, победой которого назван совхоз. Действующих церквей тут за много километров не было, а в Колчаново на полуразрушенном храме березки росли, и вместо креста была пятиконечная жестяная звезда, сам видел. И вдруг под открытым небом часовенка, вот что это, — без стен. И птицы поют. Словно в сказку попал.

Прошел еще километра четыре, вышел в поле: крохотная деревенька — домов пять, и тянется колея через нее до шоссе. В деревеньке меня первым делом укусила собака, но как-то лениво, цап — и в сторону, даже не прокусила сапог. Из людей только одного видел, вышел к забору на меня посмотреть. Я спросил о том месте. Он отвечал нехотя, потом, правда, разговорился. Будто бы там раньше церковь стояла и, говорят, ушла целиком однажды под землю. А источник целебный. К нему, сказал, «ходят». Будто бы со времен Ивана Грозного завелось. Может, раньше. «И даже из Мурманска приезжают».

Я спросил, как эта деревня называется.

Столбово.

Ну, Столбово и Столбово. Стоят столбы деревянные, провода натянуты — свет есть.

Поле, овражек, лопухи, крапива. В километре отсюда видно шоссе — рейсовый автобус проедет, МАЗы бетон везут из Тихвина.

Позже я часто думал об этом Столбове, вспоминая детали своего похода. Это же, оказалось, то самое Столбово, где был подписан знаменитый Столбовский мир, предопределивший судьбу России.

С ним, с этим «вечным» миром, связаны обстоятельства Северной войны, а следовательно, и образования Петербурга. А еще раньше — Ниеншанца и под его стенами города Ниена. Ничего бы не было этого, если бы не то, что произошло в Столбове.

Почему же здесь?

Потому что на равном расстоянии от Ладоги и Тихвина.

Ладога (которая еще не стала Старой Ладогой, а была за отсутствием Новой Ладоги просто Ладогой) оставалась покамест за шведами, — они взяли ее в числе других русских городов, хотя приглашали их вроде бы для борьбы с поляками. Но что тут поделаешь, если логика русской Смуты предлагает большие возможности? Иное дело

Тихвин. Весной 1713-го шведов из него прогнали, дальнейшие попытки осады Тихвинского Успенского монастыря не принесли шведам удачи. Воевода Данило Мезецкой, главный переговорщик с русской стороны, взял в Столбове список иконы Тихвинской Божией Матери, не допустившей, по вере православных, захвата в тот раз монастыря. Интересно, знал ли он о святом источнике недалеко от Столбова на берегу Сяси?

А шведов представлял на переговорах Якоб Делагарди, чье наемное войско успело повоевать с поляками на стороне русских, а потом и против бывших союзников. Теперь он представлял интересы шведской короны, распространившиеся далеко за недавние пределы Швеции.

Переговоры в то время предприятием долгим были, церемониальным и — многолюдным. Условились, что вместе с послами в Столбове будет с каждой стороны «по полтараста человек конных, да по двести человек пеших с посольскими и дворянскими людьми». Целый городок образовался в окрестностях Столбова, хором понастроили, изб, конюшен. Дров нарубили — зима! На непосредственные переговоры ушло более двух месяцев.

Спасибо английскому королю Якову I, грезившему о речных путях в Китай, и торговой «Московской компании», заметно влиявшей на внешнюю политику Англии, ну и конкурентам английских купцов — купцам голландским, тоже рассчитывающим на торговые преференции. Англии и Голландии Русско-шведская война была как кость в горле. Без их обоюдоревностного посредничества могли бы и не договориться. Но «благодражайший и грозный господин Иоанн Мерик, рыцарь», одним словом — английский посол, проявил чудеса дипломатического хитроумия и выдержки. 27 февраля 1717 года здесь, в Столбове, у него «на английской квартире», стороны подписали мир.

Швеция возвращала Старую Руссу, Ладогу, Гдов и главное — Великий Новгород (он тоже был под шведами; и в тексте договора — да, именуемый Великим). Россия платила контрибуцию — «двадцать тысяч рублей денег готовыми, добрыми, ходячими, безобманными серебряными Новгородскими» и оставляла за Швецией земли, прилегаю-

щие к Балтийскому морю, бóльшую часть которых скоро назовут Ингерманландией. И Корела (Кексгольм), и Орешек (Нотебург), и вся Нева с новыми укреплениями ближе к дельте, на основе которых образуется Ниеншанц, и в четырех верстах от него вниз по течению малоприметный необитаемый островок, на котором Петр возведет Петербургскую крепость, — все теперь «на вечные времена» — то есть до Петра — шведское.

Выход к морю — потеря горькая, но горечь потери пришла с годами. А тогда были рады все стороны. И шведский король Густав Адольф, заявивший в риксдаге: «Ни одна их лодка без нашего позволения не появится на волнах Балтийского моря». И царь Михаил Федорович, повелевший на радостях звонить в колокола и стрелять из пушек. И английский посол Джон Мерик, оделенный за труды щедрыми царскими дарами. А всех веселее могло быть его толмачу, на которого он еще недавно жаловался Делагарди: «находясь обыкновенно в нетрезвом виде, [дескать] не умеет скрыть тайн ему вверенных». Какие тайны?.. Праздник же, праздник!

В мою первую книгу вошел рассказ об этих местах. Придумал я персонажа, молодого человека по фамилии Микитин, и подарил ему некоторые свои наблюдения. Персонаж мой — скользкий тип, с задатками карьериста, — будучи комиссаром стройотряда, он сочинял липовые отчеты о шефской работе в духе времени, которому принадлежал, а время действия обозначено точно — 1977 год. Там по сюжету ставил ему печати на фиктивные справки старенький директор поселковой школы, учитель истории, хранитель круглой печати; ставил — по принципу «ты мне, я тебе» (ранее комиссар Микитин оформил ему стенд с членами политбюро). Таков сюжетный план рассказа — без метафизики... Короче, все справки скрепя сердце удостоверял директор, а на справке о памятнике сорвался. Будто бы Микитина стройотряд в свободное от работы время воздвиг обелиск на месте подписания Столбовского мира — в честь 360-летия события. («Ну так вот, — продолжал Микитин, — мы посетили историческое место близ деревни Столбово и решили увековечить событие небольшим памятником». — «Не верю!» — вдруг встрепенулся Илья Фомич.

«А зря. Точнее сказать, обелиском». — «Не верю, не верю! Обман!» — «Это как вам угодно. Высота обелиска два с половиной метра». — «Врете! Где он стоит?» — «Обелиск? А где Сясь поворачивает, в лесу». — «Врешь, врешь, ты все врешь! Ты... не верю! Ты врун беспринципный!»)

Меня тогда занимала тема спекуляций, и в частности — тема истории как легкой добычи для всевозможных спекуляций.

И тема увядания памяти. Исторической, если так.

В учебнике «История СССР» за седьмой класс, по которому мы проходили XVII век, Столбовский мир даже не был упомянут (да и Ниеншанц тоже). Не удивился, когда одна моя ровесница, прочитав рассказ, меня спросила, сам ли я придумал этот мир Столбовский, или что-то было такое. Нет, не сам. Что-то было такое.

Еще меня томили неостребованные, невыраженные образы этих мест, связанные с той случайной прогулкой, — этих полей, этой унылой колеи, крохотной, дышащей на ладан деревеньки, «неперспективной» по тогдашней терминологии, — с ее заброшенностью, обреченностью.

Вон как. Недалеко от Столбова, смотрю в интернете, — ближе к реке, за оврагом, теперь коттеджи стоят.

В конце XX века и в начале XXI проживал в Столбове один человек.

А памятник действительно появился. Высокий поклонный крест установили в поле. Вроде бы в 2006-м. Кто — не знаю.

Содержание

С чего-то начать	7
Началось... ..	25
Перевернутый	44
Мистерия имени	69
«Была ужасная пора...»	84
Реликтовое самоприсутствие	110
«В стороне Кронштадта...»	152
Петербургский парадокс, или Несколько слов о жребии	182
О науках	192
О науках. Продолжение	219
О дубах и о том, бил ли Петр Леблон палкой	228
О птицах СПб	248
Глава похвал	260
Чуть-чуть о каналах	268
О блокаде	285
Достоевский-плюс	299
Достоевский-плюс. Продолжение	342
Просвечивание	366
О науках и немного в сторону	401
Книжное	419
Петербург выпивающий	439

СОДЕРЖАНИЕ

Судьба ворот	466
Петербургские совпадения	485
Мистерия имени. Продолжение	501
Проходной	523
Ретроинкарнация как личный вклад в мировую историю	546
Современник первых аэропланов	551
Спасибо	557

Литературно-художественное издание

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ НОСОВ

КНИГА О ПЕТЕРБУРГЕ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валентина Гончар, Светлана Федорова

Подписано в печать 26.08.2020. Формат издания 70 × 90^{1/16}. Печать офсетная.
Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 43,29 (вкл. наклейку). Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака „Издательство КоЛибри“
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-GIL-26713-01-R